

Л 2005
6076к7

Дмитрий ОСЬКИН

ВИЖУ СОЛНЦЕ

Дмитрий ОСЬКИН

ВИЖУ СОЛНЦЕ!

ПОВЕСТИ

Астана
2004

Издается по программе
Министерства информации
Республики Казахстан

Оськин Дмитрий

О Вижу солнце: Повести — Астана: Фолиант, 2004. — стр.

ISBN 9965-619-79-4

В предлагаемой читателю книге Д. Оськина описана жизнь поколения 50-60-х годов — интереснейшая, трудная, противоречивая во всех отношениях. Испытав на собственной судьбе сложности и драматизм той эпохи, автор тем не менее жизнеутверждает возвышающие душу нравственные категории — честность, справедливость, доброту, совесть, непримиримость злу, неправде и людской ненависти. Героев Д. Оськина отличает высокое гражданское мужество, вера в светлые идеалы, поиск справедливости.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

О $\frac{4702010201}{00(05) - 04}$ 04

ББК 84Р7-44

ISBN 9965-619-79-4

© Оськин Д., 2004

© Издательство «Фолиант», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пожалуйста, прочитайте эту книжку. Она написана «про жизнь» — интереснейшую, труднейшую, острую во всех своих противоречиях. Но что еще важнее — она написана в самой этой жизни.

Повесть построена в виде дневника. Повествование разбито по датам, от 27 сентября 1958 года до 23 июня 1961. Но не в этой внешней точности сила. Она в подлинности характеров, обстоятельств, столкновений. И потому при знакомстве с книгой у читателя возникает «эффект присутствия». Словно бы все, что здесь описано, было с ним самим или, во всяком случае, на его глазах.

И мне сейчас пришлось испытать это чувство. Я вспомнил пятьдесят шестой и пятьдесят седьмой годы — Донбасс, Чистяковку, ударную стройку комсомольских шахт. Вот так оно и было, как пишет Дмитрий Оськин. Пусть год другой, и место другое, и дело другое. Но какая-нибудь страничка, а то и строчка из Митинового дневника вдруг вызывают в моей памяти живые картины, поднимают в душе первоначальное волнение, и любовь, и ненависть, и удивление. И захочется вдруг, как писал Есенин, «задрать штаны, бежать за комсомолом».

Эта книжка очень личная. С суждениями, принадлежащими лично автору, Оськину Дмитрию. Но вместе с тем написана она не только «от себя». Она принадлежит к тому счастливому роду книг, в которых говорит о себе поколение.

Увидев в тексте упоминание о «Казахстанской Магнитке», молодой многоопытный читатель поймет, что речь тут пойдет о трудовых подвигах. Темиртау, слава богу, посвящено очень много литературной продукции (притом самого разного качества). Все авторы — и сочинители

хороших и сочинители посредственных книг, — во всяком случае, сходились в одном: именно здесь «прописана романтика», именно здесь плотность героического населения на один квадратный километр наиболее высока.

Книжка Дмитрия Оськина вливает живую, горячую кровь в привычные, даже уже примелькавшиеся схемы. И они перестают быть схемами, становятся самой жизнью. Убедительной, как может быть убедительна только сама жизнь!

Обаяние этих заметок не в описании каких-то трудовых подвигов, а в честной, точной и талантливой передаче самой технологии подвига. Это необычное сочетание слов — технология подвига, — но смысл тут серьезный...

Книжка называется несколько выпендренно: «Вижу солнце!» Но не спешите осудить автора за приверженность к «высокому штилю». Совсем не просто видеть солнце сквозь громады трудностей, иногда природных, а иногда — и это бывает особенно больно! — искусственных, навороченных чьим-то равнодушием, чьим-то себялюбием и даже подлостью. Автор говорит об этом во весь голос, нигде ничего не замазывая, нигде не лакируя жизнь стройки. На его взгляд, она в конечном счете и без этого привлекательна. Конечно, для людей понимающих...

«Адрес героизма» и «профиль мужества» — вещи бесспорные только для посредственных очеркистов. Для людей, действительно соприкасающихся с трудностями и подвигами, тут есть о чем поразмыслить и поспорить.

Интересно, что признает истинной отвагой, например, Марк Галлай, знаменитый летчик-испытатель, Герой Советского Союза? Что говорит он, человек, имеющий профессию, несомненно, «героического профиля», в которой храбрость — просто необходимое производственное качество, как музыкальный слух в оркестре? Описав в своей книге «Испытано в небе» десятки головокружительных небесных приключений, поразительных подвигов, прямых поединков со смертью, он вдруг особо отмечает вот такую историю.

Реактивный самолет во время полета попал в опасное положение. И вот служащие какого-то заштатного аэродрома отважились против всех правил, вопреки закону дать ему разрешение на посадку. Галлай утверждает, что это был героический поступок. Потому что, случись что-нибудь с новейшей машиной, стоящей миллионы, и хозяева аэродрома, незаконно принявшие ее, пошли бы под суд.

«Люди на земле понимали, чем рискуют, — пишет летчик. — Но они не сочли себя вправе уклониться от такого риска. Прекрасный пример того самого гражданского мужества, которое порой дороже личного».

Книжка Дмитрия Оськина посвящена вот этому гражданскому мужеству, его рождению, закалке и торжеству — «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Оськин проходит сам и проводит нас, читателей, по нескольким кругам испытаний, подвергающих проверке и тело и душу.

Сперва это были просто холод (вода в ведре рядом с койкой промерзала до дна), неустроенное житье, тяжеленные щиты — килограммов по четыреста, которые нужно было выволакивать из вагонов. Тут был первый отбор, первый отсеб. Какие-то ребята, махнув рукой на свои клятвы и песни, собрались в обратную дорогу. Подвиги (боюсь, не без помощи литературы) виделись им такими аккуратненькими, строго отмеренными действиями, после которых точно в срок можно приходить за наградой, как к кассовому окошку за двухнедельной получкой. Но наград не предвиделось, и даже законная получка и та запаздывала.

Тут вот самые хрупкие тихонько собрали свои вещички, по дешевке распродали костюмы и башмаки, чтоб набрать на обратный билет, и рванули на запад. Их не проклинали, как в пьесах, не бросали им в лицо слов, облитых горечью и желчью (в общем-то было действительно трудно, и кое-какие основания сбежать имелись). Просто оставшиеся, как говорилось когда-то, молча смыкали свои ряды и продолжали дело.

Но тут пошли испытания уже иного свойства. Вдруг некоторым ребятам отказались выдать спецовку. Теплую спецовку, без которой просто на мороз не высунешься. Оказалось, какая-то инструкция одним велит давать, а другим не велит. Так естественно было бы сказать: «Ну и черт с вами!». И некоторые обойденные это сказали. А кое-кто не сказал, а, наплевав на хорошее отношение с начальством, полез в драку за свои права.

Дальше пошли обиды покрупнее. Начальник стройуправления Дембинский призвал ребят на аврал. Сказал священное слово «надо». И энтузиасты пошли на мороз аврально. В жизни энтузиазм чаще всего выражается не в том, что люди радостно бегут на тяжелую и невыгодную работу, а в том, что они нехотя поднимаются из теплых постелей, чертыхаясь, одеваются, не торопясь идут... Но все же идут! И делают работу самую трудную и самую невыгодную.

А тут вот, придя на погрузочную площадку, энтузиасты обнаружили, что их организатор и вдохновитель, начальник стройуправления, с ними не пошел. Остался, сукин сын, у себя в теплом кабинете телевизор смотреть.

Как естественно было бы возмутиться, бросить к черту щиты или там кирпичи, сказать: «А мы что, рыжие? Нам, что ли, больше всех надо? Начальник побольше нас получает, живет в тепле, а нам, значит, ишачить?»

Но тут возник еще один вопрос, тоже естественный и сразу перекрывающий все предыдущие: «А для чего мы, собственно, здесь? Для начальника? Или для какой-нибудь более высокой цели?»

И товарищи Дмитрия Оськина поступили, как подобает стоящим людям: они остались на разгрузке. А уж потом со всей яростью, со всей правотой обрушились на своего уклончивого начальника. Однако не ждите, что зло будет тут же сразу наказано и Дембинского с треском снимут: дневник не роман...

Мне не хочется пересказывать здесь то, что вы совсем уже скоро сами прочтете. Но не могу удержаться, упомяну еще один очень важный для «технологии подвига» мо-

мент. Как-то ребятам выпал случай насолить ненавистному начальнику. Так сложились обстоятельства на стройке, что он вынужден был кланяться молодежным бригадам, просить их поработать в выходной. Первым душевным движением было торжественно послать его к черту. На полном законном основании. Но тут же пришлось вспомнить, что такой законный отказ не только ударит по этому самому Дембинскому, но и оставит плотников, своих же ребят, «без фронта», без работы на целый день. И, скрипя зубами, бригада согласилась.

Читая записки Дмитрия Оськина, хочешь не хочешь, все время сталкиваешься с ним самим. С его характером, надо сказать, довольно «неуютным», с его жизненной позицией, совершенно железной. Он и мне не всюду кажется правым и не всюду нравится. Но ведь он говорит, что думает, а это дороже всего...

Все дело в позиции, утверждает он своей книжкой. Вот какой-то разбитной корреспондент сфотографировал каменщиков, вываливающих раствор на землю. Легкая попалась добыча, матерьяльчик! Но дело тут было как раз не в ребятах, а в их равнодушных распорядителях, которые не дали им досок. И каменщики, слегка нарушив моральный кодекс, стали швырять в стороннего наблюдателя камешками. Не для того чтобы попасть, а просто желая высказать ему презрение.

Я тоже считаю, что в «стороннего наблюдателя» стоит швырять камень. Иногда даже, в особо тяжелых случаях, стоит и попадать.

Каждый день был днем испытаний гражданского мужества, трудных поисков справедливости. Вот вам, пожалуйста, полный текст всего, что занесено в дневник 16 апреля: «Генка сообщил в газету, что мастер приписал ему и его товарищам в нарядах. Конечно, это правда, но ведь те не виноваты, что полдня сидели, полдня работали.

Вызывают всех к начальнику.

— Правильно или неправильно написал ваш товарищ?

— Неправильно!

Так свои же товарищи обвинили Генку во лжи. В бригаде начался раскол».

Я хочу сказать еще об одном. Небольшая эта книжка населена множеством героев. Некоторые из них, даже промелькнув на двух-трех страницах, запомнятся. Я говорю о немой девушке Маше, прелестном и ясном существе, оставившем о себе и у автора и у нас какую-то тревожную и грустную память. Я говорю о рыцаре холодного сердца Дембинском, о горячем Генке, о бригадире коллектива коммунистического труда Николае Рудике. Но из многих совсем уж мимолетных знакомств, из парней и девушек, фамилии которых тотчас забываешь, из лиц уже просто безыменных, вдруг складывается яркий и сильный образ. Образ коллектива. Здесь и явно очерченный характер, и четкие пристрастия, и свое мировоззрение — не простенькое, не гладенькое, не полученное готовым!

Автор, герой «Дневника», будучи каменщиком, и бригадиром, и журналистом, и опять каменщиком, все время в борьбе. Весь его опыт, не большой, но не легкий (а в таких случаях второе «не» обязательно перетягивает!), свидетельствует: быть борцом — задача для сильных, щедрых и храбрых. Но только такими и стоит быть.

Собирающимся в дальнюю дорогу знать это намного важнее, чем особенности казахстанского климата или технологию бетонных работ.

Дмитрий Оськин делал записи в дневнике очень коротко, не заботясь о художественном орнаменте и стилистических красотах... Писать о жизни и работе — это было для него побочное занятие. А основное — именно жить и работать. Он задавался трудными вопросами и не отступал, не докопавшись до ответа. Он работал, думал, любил, ненавидел. И все это отразилось в повести.

Я не знаю, кто Вы, читатель. Но, кто бы Вы ни были, я уверен, что не зря прошу Вас прочитать эту книжку.

Илья Зверев

ВИЖУ СОЛНЦЕ!

Вот уже несколько лет, вернувшись с работы, я открываю тетрадь, на чистом листе ставлю дату и торопливо записываю события промелькнувшего дня.

1958 год, 27 сентября

Наш поезд «Москва — Караганда», прибывший в город Куйбышев где-то в середине дня, пополнился новой партией добровольцев.

Я лежал на верхней полке и наблюдал за поведением вырвавшейся из-под родительской опеки молодежи.

Чудно все-таки, думал я, устроена жизнь, а еще чуднее человек. Живет, живет он на одном месте, где умирали его деды и прадеды, и вдруг на тебе — сорвался, помчался на стройку!

Хлопцы стараются держаться солидно, с мужским достоинством. Но сквозь напускную важность так и прет наружу мальчишеское.

30 сентября

Наконец-то мы на «Казахстанской Магнитке». Немного страшновато. Но мы рады, что над головой крыша и четыре стены защищают нас от пронизывающего ветра и дождя.

Я сижу на чемодане возле узенького окна и записываю в дневник первые впечатления. Мне кажется, что мы, сто юношей и девушек, начали восхождение на крутую гору. По опыту знаю, как трудно делать первые шаги.

Рядом со мной сидит семнадцатилетняя Маша Ивлева. С группой комсомольцев села она в поезд в Куйбышеве. Помню, вошла в вагон, поставила возле бачка с водой чемодан и опустилась на него. Худенькая, в сиреновом демисезонном пальто. Коричневый платок повязан по-деревенски. С ней никто не разговаривал, ни с кем не гово-

рила и она. Я спросил у куйбышевских: почему? Те ответили:

— Немая.

Не знаю, что тогда говорило во мне: жалость к этой красивой девушке или просто любопытство, но я подошел к ней. Она улыбнулась и чуточку подвинулась на чемодане. Я задавал ей тысячи вопросов, без умолку рассказывал о своей Рязани, Сибири, а она только смотрела на меня и улыбалась. Когда время перевалило за полночь, она, кивая головой, с улыбкой проговорила:

— Пать! Пать! — что означало «спать».

Потом я освободил ей свою верхнюю полку, бегал за продуктами на больших станциях. Ребята подтрунивали: дескать, влюбился, а объясниться не может.

Маша теперь называет меня по имени. Правда, вместо «Дима» она говорит «Дыма».

Приехали в Караганду рано утром. Вопреки нашим ожиданиям и заверениям сопровождающих нас никто не встретил. Шел дождь. Прямо у вокзала лужи. Такси плавают, как амфибии. От Караганды до Темиртау, то есть до «Казахстанской Магнитки», 35 километров. Но эти километры вымотали всю душу. Нас бросало то в одну, то в другую сторону, автобус то взбрыкивал, то становился на дыбы, как необъезженный конь.

Вот и «Магнитка». Все прилипли к автобусным окнам. С правой стороны в серой дымке дождя вырисовывались металлические конструкции и выкрашенная в шахматную клетку труба.

Проехали под аркой, не успев прочесть, что на ней написано, и сразу же сели в огромную лужу. Шофер проклинал себя, что согласился ехать. Вытащил нас бульдозер.

Подъехали к тресту — серому трехэтажному зданию. Вытряхнулись из автобуса, с чемоданами, сумками ввалились в коридор.

В тресте «Казметаллургстрой» полным-полно молодежи, таких же, как мы, будущих строителей. Под лестницей, в коридоре, в проходах штабеля чемоданов и сумок.

Обитая железом дверь отдела кадров трещит от напора рвущихся к работе людей.

Низенький мужчина со шрамом на щеке (потом выяснилось, что это начальник отдела кадров треста) объявил, что оформлять нас будут завтра, а пока отвезут ночевать в клуб 99-го квартала...

Одноэтажное деревянное здание разделено на две части. В одной половине — клуб, в другой — общежитие. Стены в клубе сплошь покрыты надписями. Видно, немало людей ночевало здесь.

Вечереет. Маша толкает меня и просит посмотреть в окно. Небо заволокло тучами. Они, кажется, волочатся по земле. Со строительной площадки идут рабочие. Маша крепко сжимает мою руку чуть повыше локтя.

— Боишься? — спрашиваю. Она не понимает. Тогда на обложке тетради крупно пишу:

— Страшно?

Маша отрицательно кивает головой.

Под низким потолком зажглась лампочка. Стало веселее. Открываем чемоданы, достаем домашнюю снедь.

— У кого соль есть? — спрашивает высокий паренек.

— Эх, сейчас бы чайку горяченького!

Вошла девушка в огромной мужской телогрейке и в резиновых сапогах.

— Астраханские есть? — крикнула она бойко.

— Их на быках везут! — ответил ей кто-то. Куйбышевские пригласили ее в свою компанию.

Она присела на кончик чемодана и взяла пирожок.

Зовут ее Катя. На «Магнитке» работает с пятьдесят третьего штукатуром. Закладывала первые дома.

И отделявала первую в городе баню.

Кто-то с сожалением сказал:

— Опять не мы первые!

— Ничего, и на вашу долю хватит... Значит, нет астраханских? — Катя поднялась. — Жаль...

Время движется к полуночи. Начали укладываться спать. Куйбышевские с одной стороны, рязанские — с другой. Под головой жесткие чемоданы. Вперемежку с

ребятами спят и девчата. Маша лежит рядом со мной и смотрит прямо в глаза. От нее пахнет пряниками, как от ребенка.

Не помню, как уснули, измученные дальней дорогой и волнениями первого «рабочего» дня.

1 октября

А дождь все льет и льет. К клубу подъехал грязный автобус и потащил нас в трест. В тресте снова полно народу. Люди волнуются, спорят.

Все стараются быстрее получить направление. Здесь же толкаются и представители строительных управлений.

В сутолоке потерял Машу. Мне дали направление и с группой ребят вытолкали на улицу. В открытой машине повезли в Комсомольский городок.

Поселили в общежитие. В комнате шесть коек и смертельная холодина. По коридору носится молоденькая Полина, наш комендант.

Самый заметный человек в нашей комнате — шофер с Куйбышевской ГЭС, рыжий, как черт, Лешка Зибров. В Куйбышеве у него остались жена с дочкой. Сюда он приехал просто так: надоело в Куйбышеве — махнул в Казахстан. Надоест здесь — поедет куда-нибудь еще.

Пожевав всухомятку, ребята начали укладываться спать. Среди ночи в комнату резко постучали. Открываю. Входит наша комендантша Полина, а за ней мокрая красивая женщина с чемоданом и с девчужкой лет четырех.

Полина подошла к Лешке, сдернула с него одеяло.

— А ну-ка, вставай, холостяк! Жена приехала!

Лешка что-то промычал, повернулся на другой бок и свернулся калачиком.

— Жена приехала!

Лешка замотал головой, протер глаза и застыл с раскрытым ртом.

— Да ты с ума спятила! — Лешка стоял перед женой в кальсонах и в порванной на спине майке.

— Папка! — девочка бросилась к отцу, обняла его за ноги. — Папка!

Лешка поднял дочь на руки, прижался к ней заросшей рыжей щекой.

— Знакомьтесь, ребята, Надя.

Седьмую кровать ставить было некуда. Выручила Полина. Она дала Лешке ключ от умывальника, комнатки метра два в длину и сантиметров восемьдесят в ширину. Там пока не было ни раковин, ни туб.

Перетащив туда кровать, вещи, Лешка вернулся и заговорщически проговорил:

— С милой и в умывальнике рай.

4 октября

Познакомился с начальником управления Дембинским.

— Будешь работать бригадиром, — сказал он. Написал записку и велел искать Иващенко, прораба. Отыскал. Тот прочитал записку и велел найти мастера Ивана Ивановича. Иван Иванович, мой сверстник, привел меня к трансшее.

— Вот вам бригадир.

Познакомился с ребятами. Лешка Никонов — мой земляк, рязанец, Иван Донец, Борис Матвейюк и Виктор Пелипчук с Украины.

В этот же день я переехал к ним в комнату. Мою койку поставили у самой двери. Так что теперь я первый слышу, кто входит и выходит из комнаты.

Комната угловая, окно выходит на северо-запад, как раз в ту сторону, откуда дует ветер. И в ней невыносимо холодно. На столе ведро с чаем. Черпаем кружками. Хлеба нарезали — целая гора, в сумке — сахарный песок.

7 октября

Первый день на работе. Укладываем плиты перекрытия теплотрассы. В ней сейчас наша жизнь. В плитах до трехсот килограммов. Таскаем их на руках.

Можно было бы монтировать автокраном, но кругом такая грязь, что ни один вездеход мира не пройдет. Ходил

в отдел кадров треста: хотел узнать, куда направили Машу.

— Немая она, — говорю начальнику отдела кадров. — Зовут Машей.

— Какая еще немая?

— Ей-богу, немая, и Машей зовут.

— Да пойми ты, — начальник похлопал по толстой папке, — тут тысяча Маш, полтысячи Нин и столько же Верок.

Ушел от него ни с чем. Иду по новому Темиртау, в переводе — по «Железной горе». Дорог здесь еще нет. Все кругом перекопано.

Говорят, что со временем «Казахстанская Магнитка» станет уникальным металлургическим комбинатом. И его будем строить мы, а не кто-то другой.

8 октября

У ребят кончились деньги. Матвеюк опоздал с обеда на тридцать минут. Справдывается:

— В магазине простоял. Думал колбасы взять, да кончилась она.

Лешка Никонов ворчит:

— Срежь ему, бригадир, пару часиков, забегает как миленький.

Мне жалко Бориса. Но все же пришлось срезать пару часов.

Ходил к начальнику управления. Просил выписать ребятам аванс. Тот отказал.

Ладно, как-нибудь перебьемся. Главное, надо быстрее закрыть теплотрассу.

11 октября

Воскресенье. На улице слякоть, настроение неважное.

Что сказать о моих новых товарищах? Им по восемнадцать. Никонов до приезда на «Магнитку» работал на стройке, а Пелипчук и Донец — в колхозе. Донец среди нас самый высокий и сильный. Лешка Никонов чуть пониже, худощавее Донца, мстительный и чересчур злой. Пелипчук самый маленький и вертлявый, как вьюн.

13 октября

Вся траншея, выкопанная вчера, заплывла глиной. Поставили перемычку и продолжали копать дальше. Никонов ударил по ноге киркой. Не так сильно ударил, а поднял крик:

— Хватит! Иди к начальнику и проси механизмы. На базе стоят «Беларуси», а мы все лопаточкой, лопаточкой!

Пришел к начальнику управления. Дембинский выслушал меня и меланхолично заметил:

— Не нравится — бери расчет.

Стало невыносимо обидно. Безусловно, пройдет время, и все наладится. А сейчас требуется большое мужество. Неужели каждая стройка поначалу идет в такой вот неразберихе?

16 октября

Моя бригада пополнилась добровольцами из Чувашии. Теперь нас двенадцать. Среди новеньких интересен Генка Палтусов, худой и длинный, как шест, парень. Никонов почему-то прозвал его шкетом. Генка сначала обиделся, вскинул голову, как бы бросая обидчику вызов, но Никонов устрашающе вертел в руках лопату. Генка, вероятно, подумал, что Никонов — отпетый хулиган, и отступил.

После обеда опять зарядил дождь. Весь наш труд пошел насмарку. Минут десять мы стояли и смотрели, как выкопанные нами с таким трудом траншеи заливаются водой.

18 октября

Ну и климат! Вчера дождь, а сегодня ночью трахнул мороз. Выдолбили лед и начали монтировать блоки фундаментов. Конечно, за такой монтаж в другом месте нас бы повесили. Но нам нужна столовая. Без горячего пупок прирос к позвоночнику.

Трое из нашей комнаты, плотники, собираются удирать. Они продают свои рубашки, костюмы. Продают по дешевке. Но покупать у отступников никто не хочет.

Вечером, когда они ушли, на их место поселились Генка и еще двое из нашей бригады.

На небе высыпали звезды. Первые казахстанские звезды. Как они близко и как ярки!

На улице с гармошкой ходят татары и что-то поют на своем языке. В другом конце улицы заиграла другая гармошка. Там запели украинцы, затем белорусы.

Мы тоже поем. Все-таки удивительная вещь песня! Запели — и сразу легче.

20 октября

Теперь в нашей бригаде семнадцать человек. Работаем с утра до ночи. Хотя робко, но нас уже похваливает начальство.

Сегодня после обеда пришел какой-то мужчина, мы только свалили прямо на землю раствор (ящик не успели сделать), а этот начал фотографировать. Шляются тут всякие! Будто без него не знаем, что раствор нельзя вываливать на землю. Щелкнет и повесит в «Крокодил». Ему наплевать, что у нас не было досок для ящика. Я шепнул ребятам, чтобы «попугали» его, а они взяли да и стали кидать в него камнями.

Отбежав метров на двадцать, тип начал кричать, что позовет милиционера, что у него задание фотографировать такие моменты, но Никонов схватил лопату и с самым решительным видом направился к нему. Тип удрал.

А что, если бы я был на его месте? Правильно ребята поступили, если бы прогнали? Правильно! За грязью не увидел людей. Мы слишком падки на то, что легко дается, над чем не надо думать. Плохое-то быстрее замечается. Нет, ты откопай хорошее!

21 октября

Шесть часов утра. Разбудив ребят, помчался на растворный узел, чтобы пораньше захватить бетон. Но там уже сидели другие бригадиры.

Только в девять подошла моя очередь.

Приходили корреспонденты областной газеты, спрашивали, как найти бригаду Николая Рудика. Его плотниц-

кая бригада работает здорово, борется за звание коммунистической. Сам Николай за три месяца был избран в комитет комсомола треста, в построечные комитеты, в облсовпроф и, наконец, депутатом городского Совета.

23 октября

Наш комсомольский городок принимает божеский вид. Обозначились первые улицы, по ночам гуляют парочки, но уж слишком много народу. На каком-то клочке земли собралось около пяти тысяч человек.

5 ноября

Дома, наверное, сейчас готовятся к празднику, а нас, бригадиров, собрал Дембинский и предложил обсудить план на ноябрь.

— В ноябре обсуждаем ноябрьский план, — грустно заметил Омелишин, по моему мнению, самый правильный бригадир в нашем управлении. Честный, открытый, принципиальный.

6 ноября

Решили сходить в баню.

Впереди нас четверо парней. Они бурно разговаривают.

Первый. Он ему с левой — хлобысь!

Второй. Разворачиваюсь (показывает, как он разворачивается) и — хрясь!

Из дальнейшего разговора поняли, о чем идет речь. Три дня назад ребята поймали, наконец, жуликов, обворовавших наш единственный магазин. После каждой кражи магазин запирали на переучет, и мы вынуждены были бегать за хлебом через сопку, в Заводской поселок.

Били воров страшно. Если бы не милиция, от них осталось бы мокрое место.

11 ноября

На склад Муздабай пришли вагоны с деталями домов, и их надо срочно разгрузить, потому что железная дорога дерет за простой вагонов большие штрафы.

Надо так надо.

На улице дождь. Принесли два рулона рубероида, разорвали и пошли, как под навесом, держа на вытянутых руках импровизированные «зонты».

На ноги налипает желтая глина, словно вся степь приклеивается к подошвам. До склада Муздабай километра четыре.

Руки устали держать над головой начинающий раскисать рубероид, все труднее передвигать ноги.

Генка идет с раскрытой грудью. Рукава комбинезона сползли с плеч, обнажив его тонкие, без малейшего намека на мускулы руки.

Детали домов, в основном стеновые щиты, тяжелые. Килограммов триста-четыреста в каждом. Из вагонов вытаскивать неудобно. Разгрузили, когда уже наметился рассвет. В каком-то полусне дошли до общежития. А там нет воды. Железные корыта-умывальники пусты.

Вытаскиваем одно корыто на улицу, под водосточную трубу. Ребята разжигают на кухне плиту. Сырые дрова никак не хотят разгораться. Кто-то приносит «на разжигу» табуретку, заносит над ней топор. Но в эту минуту на кухню влетает староста Толик Слободенюк, вырывает табуретку и садится на нее верхом. Ребята оторопели, потом закричали. Полуголые, небритые, грязные, как черти, с ночной работы, они орут на Толика. Его поддерживает один Генка. Он, опершись о чьи-то плечи, поднялся всех выше и кричит:

— Раскисли! Не давай, Толик, не давай! Правильно!

— Ты-то чего орешь, дохлый?

— Это я-то дохлый? Дохлый, да? — Генка рвется к обидчику, но ребята не пускают.

Идем искать сухие дрова.

Вечереет. На западе тучи как бы оторвались от земли, и там образовалась узенькая, сантиметров в двадцать, щелочка голубого, чистого неба. Из общежитий, хлопая дверьми, выскакивают строители и стоят, впившись глазами в эту узенькую полоску, как в замочную скважину.

Солнце, только на одну секунду обласкав нас своими теплыми лучами, проплыло раскаленной сковородой в этой щелочке и скрылось.

Со степи ползет черная ночь.

Делать нечего. Ребята ходят по коридору, бормоча стихи. Странно, но именно в эти дни все жадно набросились на стихи. Стихами писалась стенгазета, всевозможные «Крокодилы», «Колючки» и, конечно же, письма знакомым девчатам; немало их ежедневно увозила почтовая машина.

Почтовый ящик, прибитый возле нашего общежития к столбу, был до отказа набит пакетами. У каждого под подушкой — толстая тетрадь стихов.

Генка Палтусов тоже ходит по комнате и бормочет что-то под нос, потом останавливается.

— Да помогите же, черти! Классические строчки: «Мне сегодня вполне по плечу солнце нового дня выволакивать!» — декламирует Генка. — Вот. Надо рифму на «выволакивать».

Садимся за стол, исписали тысячу слов, но ни одна рифма не удовлетворила его.

— А кормить нас чем будешь, тоже рифмами? — напоминает Виктор.

Генка спохватывается: ведь он сегодня повар, и там, на кухне, уже кипит, наверное, ведерная кастрюля с вермишелью.

Генка загремел по лестнице. Кухня была на первом этаже. Влетев туда, остановился: какой-то оборвыш сидит и за обе щеки уплетает нашу вермишель.

— Ты что это делаешь, а?

Оборвыш поднял голову и улыбнулся. Он был до того худ, что у Генки дрогнуло сердце.

— Ты кто?

— Толик, Чудевич.

— А чего ты такой? — Генка показал глазами на рванный костюм.

— С Житомира, зайцем... из детдома... А каша вкусная.

— Это не каша, а вермишель.

Генка заглянул в кастрюлю и свистнул: там осталась дай бог половина.

— А ну, пошли к ребятам, они тебе сыграют вальс по ребрам. Всю комнату голодной оставил.

Толик пытался удрать. Но Генка заграбастал его длинными руками.

— Чудак, я пошутил. Пошли.

Они остановились возле двери.

— Обожди меня здесь.

Поставив на стол кастрюлю, Генка запрыгал:

— А я чего нашел, чего нашел!

— Рифму, чего же еще!

— Че-ло-ве-ка!

Распахнув дверь, Генка ввел за руку Толика. — Вот!

Толик стоял посреди комнаты с опущенной головой. С его лохмотьев текла вода. На ногах грязными бечевками привязаны галоши. Донец поставил ему табуретку. Толик сел.

Виктор тронул его за плечо.

— Слушай, друг, как у тебя с этими самыми? — он щелкнул ногтем о ноготь.

Толик виновато опустил глаза.

— Скидывай свое барахло!

Виктор полез в чемодан, вытащил запасные майку и трусы. Генка достал рубашку.

— Пойду воду поставлю. Ему помыться надо. Генка умчался на кухню. Кружкой начерпал из умывальника ведро воды, поставил его на плиту.

Толик рассказывал о себе. Родителей не помнит, не знает сколько ему лет. То ли восемнадцать, как записано в свидетельстве о рождении, то ли пятнадцать... На вид не больше четырнадцати.

Пришел Генка, забрал чистое белье, мыло, велел Толику идти за ним.

Толик мылся на кухне, в корыте, в котором мы стирали белье, а Генка ходил по коридору и... сочинял стихи.

А ночь опять захлебывалась дождем.